Занавес открыт

Восемь часов вечера. Медленно раздвигается тяжелый занавес. В зале затихает шум. Звучит голос Поля Робсона. Склонившись к приемнику, негр Бен слушает радио.

Так начинается спектакль «Шакалы» Августа Якобсона, поставленный народным артистом РСФСР Н. А. Покровским в Горьковском государственном театре драмы имени А. М. Горького. Каждый вечер сюда, в здание театра, съезжаются зрители—рабочие, инженеры, служащие. Позади напряженный трудовой день, впереди три-четыре часа общения с творческим коллективом театра. Но кто же они, эти создатели спектакля? Многие ли из зрителей ясно представляют себе, какая огромная подготовительная работа предшествует той минуте, когда впервые раскрывается занавес.

Попробуем заглянуть в будни театра, будни, наполненные большим напряженным трудом коллектива в достижении цели — создать человека. Как порой все то, что делается на сцене, кажется простым и несложным и насколько, на самом деле, сложно все то, что делается не на виду у зрителя и еще задолго до спектакля!

Итак, к постановке принята новая пьеса. Но сколько споров предшествовало этому: и об идейном содержании произведения, и о его художественных качествах, и о многом другом! Во всех этих спорах как бы участвует будущий зритель, чудесный советский зритель, чьи высокие вкусы и требования призваны удовлетворить театр.

Приказом директора назначены режиссер и художник, распределены роли, установлены сроки подготовки и сдачи спектакля. Режиссер с головой уходит в разработку материалов пьесы. Актеры получают тетрадки с ролями. Иногда это

нужная книжечка, иногда всего несколько листочков, но уж таков священный закон театра—любим роль, даже если она и мала, не терпит к себе пренебрежения.

С первого же дня начинается напряженный труд, и то, что задумано режиссером, становится предметом его напряженной работы с актерами. Репетиции за столом: идут поиски главного в пьесе, в ее отдельных кусках, в ролевом материале. Устанавливаются речевые особенности пьесы, выясняются взаимоотношения действующих лиц. Ответственный и серьезный период!

Новая фаза: репетиции на сцене, удачные и неудачные, десятки повторений одного и того же куска, голос режиссера—«начнем сначала», разочарование, когда дело не идет—и вдруг—ура! победа, минутное творческое удовлетворение, а после этого, может быть, опять неудача и долгий напряженный труд, пока, наконец, не приходит то, что надо найти. А в это время по эскизам и чертежам художника, обсужденным на художественном совете и утвержденным руководством театра, в технических цехах готовятся декорации, костюмы, бутафория. Сто пятьдесят человек — столяров, портных, парикмахеров, бутафоров, рабочих различных специальностей вкладывают каждый долю своего труда в новый спектакль. Одни из них создают деревянные каркасы для декораций, обтягивают их материей, другие—рисуют, третьи—лепят украшения, четвертые—шьют костюмы, но всех их объединяет общее дело. И не спроста, прежде чем приступить к работе над спектаклем, режиссер специально для технических цехов читает и поясняет пьесу и, в свою очередь, выслушивает замечания и предложения рабочих этих цехов. Есть и такие—кто, на первый

взгляд, непосредственно не участвует в создании спектакля, но разве контролер, вежливо встречающий зрителя, билетер, вручающий ему программу, не создают ощущения той нужной атмосферы внимания и сосредоточенности, которая неизбежно способствует успеху спектакля.

Отработаны отдельные сцены, цехи подготовили первые необходимые декорации, и начинается новая фаза работы—репетиции всей пьесы целиком, так называемые «прогонные». Теперь пьеса ощущается уже как единое произведение, правда, еще сырое, но со все более явно прорисованными контурами будущего спектакля. Все режиссер подкашивает актеру текст роли—актер обязан знать ее наизусть. Уже не только о знании текста идет речь—актер ищет ощущения образа; в непосредственном общении с партнерами, следуя указаниям режиссера, он стремится наиболее точно занять свое место в спектакле. Под руководством режиссера он ищет правды, той настоящей правды, которая так быстро ощущается зрителем, правды, несовместимой со всем фальшивым, надуманным.

Генеральные репетиции. В действие вступают остальные компоненты спектакля: декорации, грим, костюмы. Проводит так называемые светомониторные репетиции, когда рабочие сцены привыкают быстро собирать декорации (на спектакле так невыносимы длительные перемены), когда электрики, под руководством художника, ищут способы правильно осветить декорации и актеров, создают наиболее выгодное зрительное восприятие спектакля.

Наступает день, когда новая работа просматривается коллективом театра, и не просто просматривается. Какой жесткой и справедливой критике подвергаются на производственном совещании недостатки спектакля, его исполнители. Здесь нет равнодушных или снисходительных.

И как важно для дела, что сегодня почти не находится такие, кто эту товарищескую критику воспринимает обидливо.

Уже на следующей репетиции ощущается, что режиссер спектакля, актеры сделали нужные выводы, внесли необходимые изменения.

Спектакль сдан государственной комиссии. Наступает самый большой, самый торжественный день—встреча со зрителем, первый спектакль. И вот, кто думает, что профессиональная привычка исключает волнение актера, глубоко заблуждается. Это волнение волнение актер ощущает всегда, но сегодня, после нескольких месяцев работы, в момент первой встречи в новом спектакле нет безразличных—режиссер, художник, актеры, рабочие сцены, электрики, парикмахеры, бутафоры—все работники театра по-особенному приобщены, как перед ответственным экзаменом. Как-то по-особенному звучит голос помощника режиссера, переанный по внутренней радиосвязи: «Добрый вечер, товарищи! Начинаем спектакль. Прошу всех по местам».

Восемь часов вечера. Медленно раздвигается тяжелый занавес. В зале затихает шум. Начинается спектакль, и как-то, кто находится за кулисами и на сцене, будь это постановщик спектакля—главный режиссер театра, или, может быть, выходящий на мостике над сценой, на высоте третьего этажа—верховой, или кто-нибудь другой—все напряженно прислушиваются к залу. И когда раздается первый взрыв аплодисментов, здесь, за кулисами, расцветают улыбки, взлетают глаза: зритель оценил, зритель одобрил.

Самый внимательный и чуткий в мире советский зритель не прощает фальши и неправды. Создавать художественные произведения для такого зрителя — большая и глубокая радость.

В. КРЫМОВ.

ГОРЬКОВСКАЯ ПРАВДА

Г. Горький

5 июля 1953